

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2+341.018

ПРО/ВОКАЦИЯ. ВОЗЗВАНИЕ И ПРАВО НА ПЕРЕВОРОТ

Петар Боянич

Белградский университет, Институт философии и социальной теории, г. Белград
e-mail: bojanic@instifdt.bg.ac.rs

Мы продолжаем публикацию избранных глав из русской версии перевода книги нашего постоянного автора, видного сербского философа мирового масштаба, ученика Деррида, Петара Боянича «Про/вокация. Воззвание и право на переворот» (Bojanić Petar. *PROVOCATIO. Vokativ Ius Revolucija*. Belgrade, Službeni glasnik, 2008). Книга написана в форме литературно-философского эссе и создана на основе серии лекций, прочитанных Петаром Бояничем в Белграде для средств массовой информации во второй половине октября 2007 года. Перевод осуществлён Войславом Стояновичем и Викторией Березняк с литературно-философской редакцией и примечаниями Виктора Римского и Сергея Борисова. Редакция сохраняет авторские постраничные указания на литературу и примечания.

В книге герменевтически реконструирован древнеримский институт провокации, обеспечивавший поддержку подсудимого в административном суде путём воззвания к народу и его справедливости.

Ключевые слова: homo sacer, голая жизнь, провокация, воззвание, призыв, насилие, переворот, революция, политейя.

IMPERIUM ET/SIVE PROVOCATIO *ВЛАСТЬ И/ИЛИ ВЫЗОВ*

Мы находимся на втором этапе формирования и редактирования некоей теории провокации и ещё не вошли в кадр монетки, которая перед нами, на аверсе которой находится профиль человека, чье имя Лека

(Лаеса). Исследуя левую сторону и реконструируя историю деградации фигуры в тоге, которая только что воскликнула, провозгласила (*provoco*) и прославилась, пытаемся отслеживать попадание в тон между воззванием и законом (нормой, властью, *imperium*), а также и различные техники включения и исключения *гласа народа* как первого парадокса Республики. И эта вторая ступень должна разворачиваться на пороге, на ободке и на кромке сцены, которая показана на этом динарии и, возможно, представляет собой *парадигму провокации*. Провокации образцовой и, следовательно, такой, как она заложена в форме этой аллегии, которая исключает (и сразу включает, конечно) несколько плоскостей и перспектив.

Забудем сразу две из них: это главный персонаж сцены (Лаеса), лицо покровителя монеты, который славит собственный лик, свое имя и величает Республику. Даже если он или кто-то из семьи Порции имел проблемы с властью, его намерение всех нас ангажировать, чтобы отозвались и не забыли эту институцию, хотя и достойна похвалы, представляет определенную политическую акцию, которую я сейчас оставил бы в стороне.

Другая сторона – это так называемая мистическая сторона авторитета, власти и силы. Тайна стражнического участка, откуда приходят две фигуры с правой стороны, и божественное происхождение их уверенности осуществлять власть и вершить суд¹, быть brutальными, жестокими и способными на насилие², чтобы бичевать и быть немыми к воплям обвиняемого, я полностью отложил бы это, как сейчас неинтересное для исследования сцены перед нами.

Слово «сцена» вводит следующую перспективу и следующее направление. Именно: нет народа, который вызван на сцену, и внутри этой монеты, нет нас, и нет меня как того, кто проводит это описание перед вами. Чтобы провокация успела и «исполнила» собственной силой и действием своё предназначение, кроме подтверждения всех нас, которых Гораций позвал и на которых он рассчитывает, когда призывает, кроме подтверждения, что кличь услышан – что мы подходим, бежим

---

¹ Происхождение власти, согласно римской политико-правовой историографии, должно согласовываться со славной легендой о Юпитере, который имеет право получить силу, чтобы действовать исправно или действенно (*imperium*), если это в соответствии с согласием богов.

² Во второй раз использую слово brutальный и ссылаюсь на различие между *violence* и *brutalité*, которое делает Жан Жене (Jean Genet) в предисловии к тестам группы Р.А.Ф. от 1977 года. J. Genet, *L'ennemi déclaré*, Paris, Gallimard, 1991, pp. 199-206.

навстречу и уже прибыли, между воззванием и входом публики и народа на сцену должно пройти время. Этот банальный фактор, который следует за каждым (не)провокационным жестом, и оставляет время перед переходом к новой сцене и новой инстанции.

...

IN VIVO *ДА ЗДРАВСТВУЕТ!*

В-живо(м) и во имя жизни! Да здравствует!

Голос подтверждает, защищает, но также оповещает всех, кто слышит, что жизнь (живое тело, «мое тело» и «моя жизнь») является общей и народной вещью. Происхождение общенародной обороны открыто, публично:

«Если хочешь остаться в живых, чтобы «оправдаться» перед народом за свою жизнь (явно, вживую), подтверди сначала сам (я это не могу сделать вместо тебя), что являешься частью народа, оглашая себя».

Это является содержанием сфлёр-суверенской ассистенции и сфлёрской инссистенции, которую время от времени слышно, если правильно всмотреться в динар и этот провокационный сеанс, который находится перед нами. Жизнь и её защита является последним элементом этой Ливиевой конструкции и этой моей умозрительной «теории провокации». Я повторю это предложение так, как делал до сих пор: чтобы одно действие было распределено в рамках *provocatio*, – или, чтобы одно действие было частью образа (кадра) этой аллегии или этой истории, которая отмечена на этом динарии (все равно если это «в» кадре или «на» его ободах), – оно должно в своей последней инстанции подтверждать или славить (оборонять) жизнь.

Но как оглашается атакующая жизнь? Как дается знать, как провозгласить *provoco* и как вжиться в собственную жизнь и защитить её, призывая других?

...

Давайте останемся тогда в конце, в эхе того *provoco* и, наконец, на границах динария, который перед нами. Представим, что фигура в тоге уже не только Гораций, но и его попутчик по оружию, римлянин, на полтора столетия моложе него, Волерон Публилий. *Provoco*, которое они оба произносят и которое выполняет провокационное действие является в индикативе. Это действие содержит в себе вокатив, стремится «создать»

из голоса *iūs* (право) и в то же время предуведомляет восстание (я назвал бы эту попытку, всегда безусловно ясным именем – *переворот*). Когда скажу, «призываю», «провоцирую» – я совершаю действие провокации и исполняю её первый шаг.

Реперкуссия, повторное звучание этого индикатива (индицирование – это показ; *dik* в индоевропейской языковой семье – показать) весьма особая, и именно она определяет провокацию. Если, например, произнесу «пою» (или «говорю», «реву», «завываю»), я не пою, не совершаю действие пения; не могу спеть «петь» в индикативе; но если всё же успею спеть, это мое пение не призывает и не обязывает кого-либо петь вместе со мной или приходить, чтобы слушать меня. Если я скажу «призываю», я все же не призываю. Слово «призываю» ищет добавления – например, чье-то имя или имя какой-то группы. «Призываю резервистов» – это выполненный призыв, который их дефинитивно двигает. *Provoco* или воззвание ищет, чтобы кто-то или все двинулись и почувствовали себя призванными. Думаю, ясно, что если на ваш призыв отзовутся только резервисты или ветераны, то это не может до конца выполнить универсальные требования провокационного действия, потому что позыв направлен и не исключителен и потому не является призывом или полностью провокацией. Провокация должна рассчитывать на всё без остатка. Все являются призванными тогда, когда я произнесу слово *provoco*, в индикативе, но их ответ (ответ всех – поэтому вместо слова «все» происходит слово «народ» или «собирательное» существительное народ, которое всегда касается тех, кто не присутствует) или их отклик будет императивным (индикатив производит императив). Если случится такой ответ, будет выполнен и второй шаг, и *provocatio* будет закольцовано и исполнено.

Возможность путем одного слова (или на основе одного единственного действия; не знаю должно ли оно быть «от слова» или «от голоса», но нужно чтобы во всяком случае было очень громким) пригласить всех, чтобы все пришли и все присутствовали в одном месте, является величественным моментом и главным условием провокационного жеста. Хотя уже сложно перечислить и классифицировать все условия, которые я упомянул до сих пор и которые покрывает *provocatio*, это является первым и наиболее важным. Оно отличается несколькими деталями, которые в совокупности определяют

то, что приходит на ум при упоминании слова *provoco*, и которые я пытался все время бегло выделять и определять.

Теперь, я бы упомянул или повторил ещё несколько из них: (1) первое лицо единственного числа является главной чертой конституируемого субъекта (вокатив, гдас, возвание, восклицание, гул, траур Камиллы и зов мертвого, призывание Бога – всё вложено в изречение *provoco*, которое связывает субъекта с остальным миром); (2) призывание других (анонимных) является ситуативным и ориентированным, потому что оно точно дает понять, где находится; (3) призывание является личным жестом, и субъект говорит от своего имени и не представляет никого; (4) субъект защищает свою жизнь (сознательно защищает своё тело и свою жизнь), не бежит и не сдается, но настаивает на присутствии других и на близости с другими; (5) субъект подвергнут давлению со стороны власти и противостоит ей, призывая её происхождение в народе и вызывая её на дуэль перед народом; (6) Бог включен в возвание и становится его центральным элементом в той же мере, как и власть, как и часть народа, призвана отозваться и отказаться от собственной власти и нормы.

PROVOCO-2 ***ВЫЗОВ-2***

Это всё и достаточно!

Этого восклицания во время царя Гостилия хватало для обращения ко всем. Голос Горация, обрамлен и защищён шёпотом суверена, слухом народа и послушностью ликторов.

Больше чем сто пятьдесят лет спустя (подумаем, что временная дистанция между Горацием и Волероном, как, например, между Марксом и нами) офицер Публилий должен будет дополнить и уточнить свой призыв, чтобы успеть и прибыть на место назначения. Попытаемся не оглядываться на всё то, что происходит, после того как народ или часть народа войдёт в сцену этого динария и вытолкнет власть со сцены.

Забудем все проблемы и все хлопотания, которые наступают, когда голоса народа и шум на улицах превращается в законы, в позиции и правила. Пусть теперь всё это останется полностью на втором плане, хотя успех провокаций как раз и измеряется неким троекратным колебанием, которое предполагает присутствие народа и оккупацию города: народ

находится на улицах, чтобы аннулировать одну норму, корректировать и повторить её, вселяясь в институции (как это, впрочем, делает Волерон), но, в конце концов, никогда не уйти с тех же улиц (разве это не в основах *ius provocationis*?).

Только воззвание и отклик строят поле провокации и обновляют её силу. Настойчивость и напор Публилия, чтобы найти подходящее слово и интонацию (не забываем, что он напрягается и воет) и завоевать поддержку других, вдвойне будут отмечать каждую будущую провокацию и каждое следующее откровение народа.

Мы обязаны ему за этот момент, за одну тяжкую и невесёлую истину: *provoco* не является никаким паролем (*password*). Провокация или *provocatio* – это только пространство для одной вечной переменной, которая от Горация до сегодняшнего дня постоянно исполняется полностью разными содержаниями и обликами. Только в случае *легендарного события* в первый раз достаточно было произнести, именовать и, одновременно, произвести одно успешное речевое действие. Каждый следующий раз будет иным, более сложным, но ставка всегда будет постоянной. Конечно, существуют периоды, повторяю, невыносимые периоды, которые могут продолжаться сотни лет, когда нет никаких намерений (или отпора) и нет никакого воззвания.

Второй итог и большая заслуга Тита Ливия и его героя (она непременно происходит из этой предыдущей) касается шустрости и ловкости, которая нужна, чтобы один голос (или клич) был настроен и производил определенный эффект. Как только пользующийся легендой о Горации установил *силу воззвания* и удостоверился в возможности, что она действительно есть право (*ius*) или будет правом (следовательно, *ius provocatio*), Ливий нам сразу делает очную ставку с промахом и с негативным исходом. В тот же час он начинает анализ «права, которое ещё не стало правом», путем призывания и варьирования восклицания *provoco*, эвоцируя и нащупывая силу воззвания, которое является двигателем каждой *provocatio*.

Волерон, следовательно, пытается перекодировать одну норму, которая ещё не норма (хотя он предполагает, что она есть и что *provoco* может автоматически остановить ликтора и сообщить приближение других), в новом мелосе и ином коде, которые будут плавить воск окружающих и устаревших восковых фигур. Так он парадоксально ещё

раз подтверждает, что не существует никакого права на провокацию, зарегистрированного и унаследованного, и однажды навсегда завоёванного и переданного следующим поколениям. Нет ни реконструкции, ни регенерации права на провокацию, ни когда Волерон ревёт против дегенерированных институций власти.

Provocatio – это исключительно настаивание на слухе и присутствии всех. Вот и всё.

Публилий сразу идет дальше, чем Гораций и, прозывая, именует народ:

Prouoco ad populum.

И далее:

Призываю и умоляю соотечественников защитить меня (*Prouoco et fidem plebis imploro*)¹.

Содержание этого высказывания и значение слов, которые размельчают и разделяют на части «народ», который в своей тотальности никак не указывается и не подходит, не важны. Решающей является форма призыва, а не то, что Волерон просит о помощи плебеев. *Fidius* – это прозвище Юпитера, так призыв на защиту *de facto* направлен к людям которые имеют похожее происхождение и принадлежат к тому же классу, как и Волерон, усилен проговариванием древней и наиважнейшей римской поговорки (это молитва или инвокация *medius fidius (juvet)* – поддержки Боже / да поддержит меня Бог (да имеет доверие ко мне))².

Приходите, граждане (*adeste ciues*). Приходите, соратники (*adeste commilitones*).

Adeste ... adeste уже является сигналом полной потрясенности и крайнего падения. Это двойной императив (инфинитив – *adesse*; индикатив настоящего – *adsum*). «Присутствуйте», «присутствуйте» или

¹ В главе «Provocatio and Self-help» Эндрю Линтотт (Andrew Lintott) напоминает о некоторых похожих призывах о помощи сограждан в греческих городах. Слово *boe* в греческом языке используется, чтобы опистать призыв о помощи, а *boedromein* является ответом на этот призыв (*boétia* является существительным). Например, Аристофан в *Облаках*, когда отец Стрепсиад зовет соседей, соплеменников, соотечественников (*iou iou o geitons kai ksigeneis kai demotai*) потому, что сын Фидиппид молотит его (1321); или Софокл в *Эдипе в Колоне*, когда Эдип зовет полис Афины (*io polis*) (836). «Provocatio. From the Struggle of the Orders to the Principate», pp. 228-231.

² Это идиоматическое выражение отличается от молитвенного выражения «помоги Боже», «помогает Бог», «Бог в помощь» или выражения «да поможет мне Бог», или молитвы Иисуса (молитвы сердца, молитва Иисуса Христа) – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Славянско-русская версия помогания и оказания помощи другому является подчиненной слову сила, исполняется на основе чьей-то силы, или, наконец, это может исполнить только тот, кто имеет силу или кто сильнее. Тот, от кого ищут «помощь», в этом языке легко заметить, должен быть в состоянии и непременно иметь большую силу от того, который ищет. Так, поиск помощи сразу является признанием чьей-то силы (силы другого) и сразу это уничтожительно.

«появитесь», «откройтесь», «будьте тут», «присоединяйтесь» (английское слово *help* сохранило это значение добавления)¹.

Последнее предложение, которое Ливий отмечает, это:

Приходите, соратники (*adeste commilitones*): не ожидайте ничего от трибунов, им нужна ваша (союзническая или объединенная) помощь (*quibus ipsis uestro auxilio opus est*)².

Гениальность этого оборота находится в призыве поторопиться и прийти к Волерону, чтобы помочь тем, которые должны были помочь первыми и чья помощь не подспела. Зову вас, говорит Волерон, не только защищать меня, но, чтобы защитив меня, все вместе защищали других и отозвались на призыв (которого нет, но который слышно) тех, кто под большей угрозой (трибунов и членов сената).

Только в этом месте текста Тита Ливия появляется слово «помощь»³ и только в этот момент можно говорить о настоящей природе провокации и её безусловной полисной (политейной) ангажированности. «Помо(щ/ч)ь» – никогда не то, что ищется только для себя, но лишь в контексте полисного сообщества и для его будущего.

С этим последним призывом – подчеркиваю, что союзничество и объединение необходимо входят в защиту политейных институций, а не в нападение на них, – Волерон предвещает, что истинная сила (не любая сила, но та, которая обеспечивает помощь и безопасность всем) постигается, когда народ успеет уравновеситься и полностью оккупировать пространство города.

Только когда все будут вызваны, город оживёт.

Потому взываю и настаиваю: отзовитесь те, кого нет здесь и сейчас; призываю, пусть огласятся те, кого пока нет, и помогут тем, которые

---

¹ В «Федре» Сенеки подобным образом позываются Афиняне. «*Adeste, Athenae! fida famulorum manus, fer opem*» (6, 720). Подбежите (*adeste*), прислужите, дайте руку, и т. д. На французский *adeste* регулярно (обычно) переводится с восклицательным знаком «*au secours*» (на этом языке это снова и исключительно «на помощь»). *Au secours* (*succor* – это английский синоним) происходит от латинского *succurrere* – прибежать (прибегать), чтобы кому-то быть под рукой или «на всякий случай» (*currere* – бегать, убегать). *Sequor* на латинском значит следовать, следить, быть за чьей-то спиной. Выражение «иметь спину» соответствует этому бегу навстречу, прикрыванию со спины и подбеганию.

² *Auxiliator* – это тот, кто способствует в какой-то задаче, союзник (*auxilio* может иметь значение лекарства). *Auxilia* (множественное число) – это союзники, так это слово в комбинации со словом *commilitones* приносит слово союзнические труппы (*auxiliarius*).

³ В предложении Сенеки «*fida famulorum manus, fer opem*» – «*fer opem*» является доставлением (принести) помощи (*opem ferre alicui*, помочь кому-то другому). *Ops* – это существительное женского рода в именительном падеже, которое значит мощь (в множественном числе *opes* значит богатство или влияние).

вызваны и до них не дошли; молю, прислушайтесь к тем, кто прямо сейчас призывает всех, которые отзываются, и вызывает тех, кого нет...

Я призываю вас всех!

Список литературы

1. «Про/вокация. Воззвание и право на переворот» (Bojanić Petar. PROVOCATIO. Vokativ Ius Revolucija. Belgrade, Službeni glasnik, 2008).

PROVOCATION. THE CALL AND THE RIGHT TO COUP

Petar Boyanich

Belgrade University, Institute of Philosophy and Social Theory, г. Belgrade
e-mail: bojanic@instifdt.bg.ac.rs

We continue to publish selected chapters from the Russian version of the translation of the book of our permanent author, a prominent Serbian philosopher of the world scale, a disciple of Derrida, Petar Bojanich «Pro / Vocation. The call and the right to coup» (Bojanić Petar. *PROVOCATIO. Vokativ Ius Revolucija*. Belgrade, Službeni glasnik, 2008). The book is written in the form of a literary-philosophical essay and is based on a series of lectures given by Petar Bojanich in Belgrade for the media in the second half of October 2007. The translation was carried out by Vojislav Stoyanovich and Victoria Bereznyak with a literary and philosophical edition and notes by Viktor Rimsky and Sergei Borisov. The editors keep the author's page-by-page references to literature and notes.

The book hermeneutically reconstructs the ancient Roman institution of provocation, which provided support for the defendant in the administrative court by appealing to the people and their justice.

Keywords: homo sacer, naked life, provocation, call, appeal, violence, coup, revolution, polyteia.
